

ОКСАНА ОСА

На

рассвете

нас двое

Оксана Оса

На рассвете нас двое

«Издательские решения»

Оса О.

На рассвете нас двое / О. Оса — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839262-7

Люси, молодую художницу, родители отправляют в больницу за рисунки кровью. В своем дневнике она пишет, что только в этих работах чувствуется жизнь. А теперь ее заперли среди белого цвета, в котором Люси боится творить. Однажды ночью девушка решает сбежать — луна приводит ее на кладбище, где Люси знакомится с призраками. Теперь каждая ночь будет наполнена открытиями...

ISBN 978-5-44-839262-7

© Оса О.

© Издательские решения

Содержание

Аннотация	6
Часть 1. Роберт	7
1	7
2	11
3	14
4	17
5	19
6	21
7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

На рассвете нас двое

Оксана Оса

© Оксана Оса, 2017

ISBN 978-5-4483-9262-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Люси, молодую художницу, родители отправляют в больницу за рисунки кровью. В своем дневнике она пишет, что только в этих работах чувствуется жизнь. Ее заперли среди белого цвета, в котором Люси боится творить.

Однажды ночью девушка решает сбежать – луна приводит ее на кладбище, где Люси знакомится с призраками. Теперь каждая ночь будет наполнена открытиями: главный призрак кладбища – Роберт – научит ее новому способу создания красок, познакомит ее со своей мечтой и будет разгадывать вместе с ней загадку времени: ведь именно Люси явилась к Роберту перед его смертью – более сотни лет назад.

Часть 1. Роберт

1

Призраки знают многое. Нам ветер рассказывает обо всем, что происходит. Но редко кто нас видел: мы прячемся в ночи от любопытных глаз. Хотя иногда события требуют нашего появления на сцене. Сегодня – именно тот случай. Погода нашептывает что-то тревожное: слишком много людей бросают мечты. Луна проливается серебряным светом на девушку, которая почти готова расстаться со своей... Задача призраков – следить за равновесием, и, кажется, мы плохо справляемся с этим...

За Люси я наблюдал с самого ее рождения, потому что знал: этой девушке суждено изменить наши жизни. Режиссер событий не я: в мире достаточно людей, способных влиять на развитие сценария. Кто-то из них сейчас, возможно, спит, ни о чем не подозревая. А я прячусь в темном углу небольшой больничной палаты, где девушка рассказывает о своих переживаниях некому другу. Строки ее дневника неразборчивым почерком сплелись в странное импульсивное повествование. В зеленых глазах Люси догорало пламя надежды, а сухие губы возмущенно сжались в тонкую полоску.

«Они и рады упрятать меня в больницу... Не верится даже! Это все из-за Алекса!!! Уже целую неделю меня, как прокаженную, держат за этими белыми стенами. На мне белое платье. Белые листы бумаги... Я их выпросила у медсестры. Я НЕНАВИЖУ БЕЛЫЙ!!! Нет сил находиться здесь...»

Они думают, что «Люсьена Вонг, девушка восемнадцати лет, опасна для общества». Опасна? Опасна??? Я всего-то и пробовала рисовать кровью! Что в этом опасного? Я ведь не резала себе вены... Подумаешь, кровь животного. Знакомый ветеринар помог... даже работала в перчатках... Это чувство... полного удовлетворения, до дрожи в пальцах, измазанных густым красным... И пока высохали работы, я буквально наслаждалась каждым мазком... все это и есть жизнь...

Алекс увидел мои эскизы и... рассказал родителям. И полетело все далеко в художественный беспредел... Миранда даже слушать мои оправдания не хотела. А папа сразу постарел лет на десять... Родители... Они даже не знали причин! Они не понимают... я запуталась в собственном творчестве! Все, что я делала... все было безжизненным! Это были просто картины, которые можно повесить на стену. Искусственное искусство. Я всего лишь хотела наполнить работы энергией... Чтобы вдохновлять остальных, а не ждать восхищения. Чтобы помогать людям, а не затем, чтобы они забывали о работах, вдоволь налюбовавшись ими...

Кажется, я становлюсь такой же плоской и неживой, как мои картины... Стены так влияют на меня... словно заколдованная хожу из угла в угол... долго я это делаю? И зачем вообще начинала?

Таблетки... наверное, обычное снотворное. Заснуть и погрузиться в еще больший обман чем то, что меня окружает... Сон – та же больница, куда добровольно отправляется каждый, кто чувствует себя уставшим. Сон – та же тюрьма, в которой мы запираем свое тело, но не разум. Получается, мне просто некуда бежать! Только белые стены, или сон... С творчеством, кажется, покончено... В этом городе теперь всем обо мне известно! Мне будут оглядываться вслед, тыкать пальцами. Неужели все художники – изгой...»

Прядка рыжих волос выбилась из-за уха, и девушка, наконец, поправила ее. Она не плакала: с первой ночи, проведенной в больнице, Люси старалась держать себя в руках. Я ничем

не мог ей помочь: что такое призрак в понимании человека? Всего лишь нечто странное и пугающее...

Люси спрятала дневник в ящик и залезла под одеяло с головой. Я знал, что заснуть ей мешала тишина. Абсолютная, она прокрадывалась в мысли и холодила душу. Где-то в коридоре часы отбили два часа ночи. Время исполнения чудес. Девушка встала и подошла к окну. Ее палата была на первом этаже. Люси могла часами стоять и смотреть на ночное небо, иногда она даже общалась вслух с луной.

В этот раз она распахнула окно, позволив ветру ворваться внутрь. Люси забралась на подоконник и в нерешительности остановилась перед рамой. По тому, как она переступала с ноги на ногу, стало понятно, что ей было неприятно стоять. Она глубоко вздохнула, словно решалась на что-то. Я понял, на что именно, когда девушка вернулась за фонариком, что прятала под матрасом, и затем начала протискиваться через раму. Если раньше я сомневался в ее диагнозе, то сейчас с удовольствием отметил: Люси сумасшедшая настолько, насколько хочет быть. И если сумасшествие означает свободу действий, то ее сейчас вряд ли что-то могло остановить. Июльские ночи прохладные в Смустауне, и я был полностью уверен, что художницу несколько не смутило даже больничное одеяние, в котором она собралась гулять. Больше всего мне нравился в ней огонь, который разгорался сильнее при возможных трудностях. Еще она потрясающе умела пропускать любые события через собственную призму мира и добиваться цели там, где многие бы испугались возникших проблем или последствий.

Хотелось надеяться на то, что в ее душе снова запылает огонь жизни... Я следовал за ней через парк: она кралась между деревьями, осторожно, чтобы никто не заметил. Затем через пустые улицы, на которых остановилось время в ожидании новых прохожих. Порой мне казалось, что художница бесцельно гуляет по городку, хотя мы находились всего в паре кварталов от ее дома. Она часто смотрела на луну и смеялась, по-детски беззаботно.

– Спасибо, спасибо, спасибо! – и закружилась, распахнув одеяло. Пожалуй, это первое за несколько месяцев ощущение счастья.

Для счастливых открыты любые дороги, но я никак не ожидал того, что в эту ночь Люси придет на кладбище. Растерянность в ее выражении лица подтвердила мои мысли. Она замерла перед воротами, вглядываясь в темноту. Сторожа нигде не было...

– Луна ведь привела меня сюда, – услышал я тихий шепот. Люси потянула на себя ржавую калитку и осторожно вошла внутрь. Скрип позади едва не спугнул ее.

Она осмотрелась. Насколько я знал, родители Люси приехали из другого города, поэтому здесь никто из ее родных не был похоронен. Если художница и знала о месте нахождения кладбища, то вряд ли когда-нибудь посещала его, особенно ночью. Луна подсвечивала ближайшие ряды могил, остальное скрывалось в черно-синих сгустках темноты.

– И почему я раньше сюда не приходила? – спросила она вслух.

Потому что здесь не место живым, хотел подсказать я. Но Люси могла считать наоборот. Для нее кладбище могло бы стать центром объединения всего живого. Более того, вечного. И здесь не было бы ничего лишнего, только художник и его творения: все, что она искала. Люси, как будто услышав мои мысли, обернулась, но не увидела ничего кроме темноты. Для нее я все еще оставался невидимым...

Она направилась по главной алее, ведущей через все кладбище до старого склепа. От свежих захоронений к самым ранним – Колючая дорога, как призраки называли этот путь. Его проходил тот, кто не мог смириться с новой сущностью. И после такого ритуала многие принимали свою вторую жизнь... Единицы продолжали жалеть себя.

Одеяло запутывалось в ногах, и от этого девушка попеременно спотыкалась. Люси в темноте пыталась разглядеть имена, выгравированные на плитах. Не многие можно было прочитать: часть из них стерлась со временем, некоторые были засыпаны песком. Ветер гуляет по открытой территории кладбища и творит свой беспорядок. Люси вслух выдумывала исто-

рии для этих людей, не зная их прошлого и причин смерти. Мне кажется, что в ее воображении они навсегда останутся живыми.

Я вместе с ней шел по алее впервые... Возможно, из-за того, что не желал принимать жизнь призрака до сих пор и продолжал искать способ вернуться обратно в мир людей. И в то же время меня все устраивало в таком существовании... Долгожданная встреча с Люси, я это чувствовал, изменит все.

Могила Эдварда Гомна, значилось на памятнике. Люси, замороженная, остановилась возле нее. Неизвестный чужак соорудил навес, колыхавшийся на ветру, а так же две импровизированные стены. На одной из них висело платье моды 80-х годов. На лице художницы я увидел всю гамму чувств от восхищения до недоумения.

– Разве платье не должно было истрепаться?

Оно действительно казалось новым... Никогда раньше не замечал, чтобы кто-то менял здесь наряды. И мысль, что даже ветер и дождь со временем могут истрепать ткань, у меня не возникла. Платье невольно приковывало взгляд. Даже в темноте оно было слишком живым для царившей на кладбище атмосферы забытья и смерти. Люси поежилась.

– Заколдованное...

Другая стена была украшена портретами в рамках: более дюжины девушек смотрели с них, и в выражении лица каждой было понимание своей исключительности. Под автопортретом Эдварда Гомна было написано: «Созданная художником красота блекнет по сравнению с творениями природы. Я лишь попытался ее сохранить...».

– И у него получилось...

Люси не писала портреты. То ли из принципа, то ли от нежелания работать с людьми. Однажды я видел ее наброски, лица были мало похожи на тех, с кого она писала. Скорее, в ее работах было больше сходства с душой, чем с внешней оболочкой человека.

– Давно пора признаться самой себе... Люси, художество было твоим маленьким увлечением... Способом создать свою реальность... Это была хорошая попытка... С искусством, кажется, покончено...

О чем она говорит? Не помню, когда в последний раз так сильно злился, но ветер уже начал тревожно носиться вокруг. Я представил, что с силой встряхиваю художницу за плечи и пытаюсь доказать обратное: ей *необходимо* рисовать! Без этого Люси не сможет жить! В очередном порыве я растворился и возник у могилы маленькой девочки.

– Я чуть было не выдал себя...

– Бывает, – бросила та, чьи кости покоились внутри, и продолжила плести венки.

– Белла...

– Ты уже жаловался на художницу... Влезть в ее мысли я не могу...

– Знаю...

– Кстати, идут вибрации смерти. Она наверняка планирует, как будет умирать... Возвращайся обратно, я дам знать мистеру Рейндену о начале представления.

– Спасибо.

Возникнув за ее спиной, я услышал слово «кремация»... Интересно, кому она все это рассказывала?

– После останется горстка пепла от меня и моих сожженных работ. Я бы не отказалась от жертвенного алтаря. Художники приносили бы свои работы и просили меня, такого идола творчества, или как по-другому... Неважно... Просили бы меня помочь им. И оставляли бы в знак благодарности свои зарисовки, было бы здорово... Красками, карандашами, углем – всем, чем угодно!

Когда она мечтает вслух, я восхищаюсь каждой ее бредовой идеей. Немногие способны творить жизни других после своей смерти. Хотя призраки этим и занимаются. Все, что требуется от меня, вернуть художницу на прежний путь...

Она начала напевать слова, сначала тихо, потом увереннее... Наверное думает, что никто ее не слышит: «Любовь моя, однажды ты умрешь, но я буду рядом, я последую за тобой в темноту...»¹ Мне хорошо была известна эта песня: слишком часто она играла в ее комнате. Однажды я напевал ее для Люси, когда та спала...

Вскоре она снова шла по главной аллее. Одеяло волочилось по земле, но, похоже, Люси не собиралась его поднимать. Сейчас художница казалась настолько уязвимой, что никакие искусства ночи не смогли бы вселить ей уверенность. Растерянность, одиночество, страх неизвестности – все чувства обострились до предела. Пора... Я увидел мистера Рейндена, возникшего из темноты позади нее.

– Мисс... Что привело Вас на... кладбище в столь... поздний час? – слышался глухой голос.

¹ Пер. Death Cab for Cutie – I Will Follow You into the Dark

2

Люси вздрогнула и обернулась – перед ней стоял мужчина средних лет. Если я и ожидал увидеть настороженность или испуг в ее глазах, то удивился, обнаружив безразличие. Как минимум странной была сама встреча с незнакомцем ночью на кладбище... А Люси стояла и молчала: не нашлось ответа. Ее, как хрупкий листок, принес сюда ветер перемен и оставил в объятиях призраков...

– Кто Вы?

– Я всего лишь... эм... обитатель этого кладбища, – мистер Рейнден говорил медленно, с трудом подбирая слова.

Художница кивнула. Они продолжали смотреть друг на друга: Люси – меланхолично, призрак – волнуясь. Девушка словно заворачивалась в своих мыслях, укрываясь от мира: походило на смирение с судьбой. Она прикрыла глаза, и что-то блеснуло на ее щеке. Слезы! Я с ветром отправил ему фразу: «Расскажи о нас».

– А вы верите в... призраков?

Люси, по-прежнему не открывая глаз, едва заметно качнула головой.

– А... если я признаюсь в этом?

Она затаила дыхание.

– Я Мистер Николас Рейнден... Умер в... тысяча девятьсот двенадцатом году...

На ее лице появилась горькая улыбка.

– Не придумывайте, – тихо произнесла девушка.

– Я призрак, – громче повторил Николас.

– Настоящий?

– А разве бывают... другие?

– Ну... со мной разговаривает один... Его вижу только я...

– Почему же?

– Потому что он преследует меня везде... От него не спрятаться.

– Даже... ночью?

– Да, он где-то поблизости.

Неужели она говорила обо мне?

– Скажите, а Вас как зовут, мисс?

Наконец, Люси открыла глаза. Она долго всматривалась в Николаса, прежде чем спросила:

– Разве призраки не прозрачные?

– Эмм... Только некоторые...

– Почему?

– Я... попробую объяснить... Человек, умирая, не всегда... становится призраком, но если уж это... произошло, то только первые годы он более или менее... напоминает... светящуюся субстанцию, – время от времени забывая продолжение фразы, ответил призрак. И казалось, в Люси проснулся интерес.

– Есть еще призраки кроме вас?

– Больше, чем за сто лет... со дня первых похорон... появились тридцать... два призрака...

Она снова кивнула.

– Вы познакомите меня с остальными?

Довольный, мистер Рейнден улыбнулся и кивнул следовать за ним.

– Сегодня среди нас царит... необычайное оживление, – пояснил Николас, как только они приблизились.– Вы как раз вовремя... посетили нашу... обитель, чтобы посмотреть торжественную... церемонию Перехода.

Увидеть призраков легче, чем услышать: вот, в чем наше главное отличие от людей. Даже если мы готовимся к важным событиям. Все занимались своим делом: одни собирали цветы и украшали могилу с парящим над ней призраком; другие убирали мусор, чуть дальше три призрака с азартом вспоминали предыдущие церемонии. Но я не сводил глаз с Люси: на ее губах играла легкая улыбка впервые за несколько месяцев. События мгновение за мгновением возвращали ее к прежней жизни: жизни девушки, которая всегда видела удивительное в обычном мире.

Теперь я спокойно смог принять свое призрачное обличье вместо едва заметного дыма и потеряться среди остальных призраков.

– Это начнется завтра, – я услышал, как мистер Рейнден продолжил рассказывать девушке подробности нашей жизни.– Чарльз... перестанет так ярко освещать все вокруг и... приобретет свои... естественные очертания. Завтра с наступлением... темноты мы проведем... обряд, дающий право... официально называть себя призраком... кладбища Лернер.

Люси усмехнулась.

– Жизнь призрака... достаточно скучна, хоть с первого взгляда и может... показаться интересной. Это вечность... одинаковая и безликая. Это не похоже на... нашу прошлую жизнь... живых людей. Это даже не сон, в котором... можно найти спасение... утомленной душе. Такие... мероприятия не часто происходят, но, тем не менее, вносят... разнообразие. Вы бы видели, что... творилось здесь всю... прошедшую неделю! Бедный Чарльз! В его... адрес постоянно отпускали... шуточки...

Он указал на призрака, парившего над могилой. Чарльз, прозрачный и светящийся, отличался от остальных. Все прошедшие церемонии Перехода приобретали прежние человеческие черты и способности, например, держать различные предметы.

– Приготовьтесь, сейчас я... представлю вас.– Мистер Рейнден повысил голос.– Внимание! Призрачные... прошу внимания! Кхм... Рядом со мной... милая девушка, гостя... нашего кладбища, – его медленная речь, казалось,нисколько не беспокоила Люси. Она стояла как статуя и спокойно рассматривала собравшихся.

Призраки оставили свои занятия и повернулись в их сторону, даже меланхоличный Чарльз Бэнкс – тот самый, к чьему переходу сегодня готовились, открыл глаза и стал прислушиваться. Я заметил, как Элайза Строд, призрак год назад погибшей в аварии девушки, нахмурилась, увидев Люси. Ее тяжелый взгляд мог означать, что в прошлом их связывало нечто неприятное. Что бы ни произошло между девушками до гибели Элайзы, их нельзя было оставлять наедине.

В наступившей тишине отчетливо зазвучал голос Николаса Рейндена:

– Знакомьтесь, мисс...

– Люси Вонг, – шепнула художница.

– Люси! – она приветливо кивнула.

– Сумасшедшая девушка, – послышалось из толпы, – где же Вы нашли ее, мистер Рейнден?

– Всего лишь... осматривал... территорию, – он подмигнул художнице и тихо произнес, —забудь о времени и... своих проблемах этой... ночью. Обещаешь?

Люси удивленно кивнула.

– Как Вы...

– Догадался? О, призраки... чувствуют многое...

Наконец, к ним подлетела Белла, за ней появился Джон Кофер.

– Ты скоро привыкнешь, – выпалила девочка на ходу.

– К чему?

– К тому, что все вокруг умирают... После того, как представляются, конечно, – весело произнесла та.– Например, я... Изабелла Уайлт, умерла в тысяча девятьсот пятьдесят втором году.

– Зачем это нужно?

Белла пожала плечи:

– Формальности Роберта. Он вечно что-нибудь придумывает!

– Роберта? – Люси взглянула на Джона.

– Ошиблись, я – Джон. И сегодняшний год моей смерти пусть будет три тысячи сто двадцатым.

– Притворяетесь призраком из будущего? – усмехнулась Люси.

– Вроде как, – хитро улыбнулся Кофер.– Что ты думаешь о четырех утра? По-моему, идеальное время для танцев!

– Танцев?

– Именно! – глядя на Люси, я мог убедиться в том, что ей не страшно и не противно было дотрагиваться до призрака. Она с любопытством протянула руки Джону и улыбнулась своим мыслям. Возможно, она пыталась даже угадать, из чего мы состоим. Что-то вроде сгущенного в форму воздуха, не более. Но весь секрет заключался в том, что я научился управлять этой материей... Джон закружил девушку в импровизированном танце, по возможности обходя могилы: не стоило беспокоить покойников. Из разговора с душами во время путешествий по нижнему миру я понял, что им это нисколько не доставляет удовольствия.

Луна, выглянувшая из-за облаков, приятно освещала территорию. Однажды в детстве, играя в прятки, Люси залезла на крышу сарая и оказалась наедине с небом. Кажется, в тот день она по-настоящему ощутила вкус творчества, написав акварелью луну: рисунок до сих пор висит в ее мастерской. К сожалению, сейчас Люси забыла о чувствах, заставлявших ее брать в руки кисточки. Почему нужно ждать? Почему бы сейчас не напомнить ей об этом? Я приблизился к танцующим.

Джон на мгновение отвлекся на брошенную фразу о его способностях танцевать, не успел развернуть Люси, и ее, потерявшую равновесие, занесло в мою сторону. Девушка прошла сквозь меня.

– Ой!

3

Впервые за сотню лет я почувствовал холод. Если бы призраки могли замерзнуть, я наверняка бы превратился в лед. Я видел испуганный взгляд Джона: он мгновенно растворился в воздухе. Люси начала ощупывать себя, не понимая, видимо, что произошло. Белла появилась возле нее:

– Ты не пугайся только! Все нормально! Ведь правда?

Ошарашенная, Люси озиралась по сторонам и остановилась взглядом на мне. Выражение ее лица было пугающим: что она могла увидеть? Никто из людей раньше не проходил сквозь призраков. Белла схватила художницу за руку:

– Люси!

Девушка словно очнулась от галлюцинаций:

– Что?.. Что это было?

– Призрак, только наизнанку, – хихикнула девочка.

Джон, наконец, возник рядом:

– Я не удержал тебя... Извини, пожалуйста...

– Мистер Кофер... Джон... Вы...

– Люси! – начал я, но она уже падала без сознания.

Все призраки, кроме меня, Джона и Беллы, разом растворились, даже Чарльз, про которого многие успели забыть. Стало пугающе тихо, как и должно быть на кладбище на самом деле... Девушка лежала на могильном холмике некой Александры Скайт. Белла трясла художницу за плечи.

– Я не чувствую ее, Роберт, – в ужасе прошептала она.

На лицо художницы словно одели маску, до того стянутым и лишенным чувств казалось оно. Волосы растрепались и смешались с землей, больничная одежда превратилась в грязный балахон. Внезапно появились слезы: медленно, они скатились по ее щекам. Почему Белла не смогла определить, о чем думала художница?

– Я как будто частью себя поделился. Самой ужасной... – не выдержал я.

– И Люси это увидела?

– Не знаю, что именно... Я словно исповедовался, понимаешь?

А Люси заменила мне священника, продолжил мысленно я. Худшим вариантом стало бы, прими она мои грехи... Над нами ночь варила небесный кисель из звезд и луны: густой, насыщенный всеми оттенками синего. Белла еще раз проверила пульс девушки. Едва заметный кивок значил многое...

– Не помню, чтобы хоть раз...

– Впервые.

– Нет, – перебил нас Джон. Однажды моя подруга, Саманта... в общем, все произошло случайно... Знаю, знаю, это я виноват... Она так же прошла через меня... Потом и рассказала такое... о чем даже я не догадывался, когда планировал последнюю аферу. Получается, она узнала мои тайны от меня же самого... Глупо, да?

Мне показалось, что внутри перевернулся весь воздух, столько лет пребывавший в безмятежности. Не стоило Люси знать все ужасы моей жизни... Белла нахмурилась. Перебирая воздух быстро-быстро пальцами, она словно пыталась что-то поймать.

– Что ты делаешь?

– Ловлю ее сознание.

– Белла? – переспросил я, боясь, что неправильно понял смысл ее действий.

– Есть! Я чувствовала, что она где-то рядом... И Люси просто нужно было время пережить шок. Теперь можно возвращаться к нам...

Девочка аккуратно поместила что-то невидимое мне в голову художнице, и я в сотый раз поразился ее способностям.

– Привет!

Люси, удивленно-настороженная, снова огляделась.

– Где я была?

– А что ты видела? – спросила Белла.

– Смерть...

– Какую?

Она снова одарила меня тем глубоким пронизывающим взглядом: будто прикоснулась к душе.

– Меня зовут Роберт.

Странное знакомство получилось... Я видел, как Белла закатила глаза.

– А дальше? Ты что, видела *его* смерть? – не отставала девочка.

Люси кивнула.

– Правда? Ух ты...

Теперь мы втроем уставились на девочку-призрака.

– Просто... Это ведь интересно, когда кто-то умирает... Что?..

– Кажется, я через тебя прошла, – выдохнула Люси.

– Кажется, да...

– Кто-то кричал твое имя в лесу...

Наверное, на моем лице отразились все переживания: я понял, о каких событиях шла речь, кто кричал мое имя, и почему это напугало Люси. К отцу на несколько дней приехали гости, мы решили поохотиться. Мой младший брат, наконец, дождался момента, чтобы обвинить во всем случай...

– Все как-то смешалось... Я видела, как ты лежал среди деревьев. И еще стук копыт слышала. И после этого ты стал призраком? Так просто?

– Не все ими становятся...

– Считай, повезло.

– Пожалуй, я бы не отказался пожить еще с десяток лет, – усмехнулся я. Люси поняла суть своей фразы и виновато поджала губы.

– Но ты тоже права: пусть и призраком, я продолжаю существовать в этом мире гораздо больше положенного мне срока.

– Мало обнадеживает...

Я кивнул.

– Теперь как себя чувствуешь?

– Пойдет... Холодно, правда...

Она снова закуталась в одеяло.

– Чаем, увы, нет возможности угостить.

– Знаю... Наверное, мне пора...

Годы ожиданий первой встречи и всего лишь пятиминутный диалог в итоге – мне представлялось куда более полное впечатлений событие. Хотя... Событий для самой Люси хватало: прогулка на кладбище, идеи о жертвенном алтаре, знакомство с призраками, прыжок в мое прошлое... Если дело касается Люси, жди художественных неприятностей... Наверное, теперь я был готов к встрече с любыми.

Три призрака провожали девушку до ворот кладбища. Я надеялся, что Люси все расскажет своему дневнику – эта мысль меня успокаивала.

– Вот интересно, ведьмы устраивают шабаш. А призраки? Можно было бы выдумать свое определение: «призрабаш» или «башуприз»...

– Первый вариант звучит лучше, – хихикнула Белла.

– Значит, призрабаш...

Люси махнула на прощание и ушла в рассвет. Обещала вернуться...

– Роберт, чему ты можешь научить художницу? – не успокаивалась Белла. Однажды я рассказал ей о Люси и добавил, что когда-нибудь она тоже придет на кладбище за помощью.

– Уж точно не рисовать! – продолжила вредная девчонка. – Сам хоть умеешь рисовать? У тебя в школе был такой предмет?

– Я не ходил в школу, Бел.

– Как так?

– Учителя приходили ко мне.

– Везет же...

– Тебе так кажется, – поддержал меня Джон. – Хотя мне тоже интересно, в чем ты ей поможешь, Роб.

– Избавиться от предрассудков, вот что я вам отвечу, – усмехнулся я и растворился.

4

С рассветом все мы прячемся по могилам, я в одиночестве ждал пробуждения города. Первый призрак кладбища – не просто слова. У меня гораздо больше возможностей, чем у других. Одна из них – не растворяться при восходе солнца. Многие завидуют тому, что я *могу* встречать новый день. Но в этом нет ничего потрясающего: когда пейзаж лишен каких-либо красок – двойная мука. Призраки видят мир по-особенному, в черно-белых тонах. Ночью с этим можно смириться, но только не днем, ведь именно в красках заключается разница каждого времени суток.

Нужно было попасть в город за травами для церемонии. Неплохо было бы и Люси рассказать об их удивительных свойствах. Хотя прежде она сама увидит их действие. Не в первый раз день кажется мне длинной световой полосой, по которой катится горящий шар: сегодня солнце двигалось торжественно медленно.

Было лишь начало шестого, когда я возник в гостиной одного из домов на тихой улочке. Мы его называем призрачным потому, что в нем никто никогда не жил. Сомневаюсь даже в том, что люди замечают дом вообще. Крышу давно следовало поменять, веранда заросла паутиной, краска отваливалась от стен... Никогда не проверял, скрипят ли половицы, но думаю, что скрипят... В любом случае, ремонт этому дому вряд ли грозит: пока на него не обращают внимание люди, некоторые наши секреты в безопасности. Здесь я хранил кое-что из своей прошлой жизни: дневник сестры, чашу для церемонии, нож и книги. Мистер Рейнден, сколько я его помню, всегда собирал одежду себе и мне со словами: «Разные времена, Роберт, разная мода...». Меня всегда это смешило, но, тем не менее, чтобы оставаться серым в толпе людей, нужно было одеваться по их правилам. Сегодня я выбрал джинсы и футболку с надписью «Думай позитивно». Всегда мысленно благодарю Николаса за предусмотрительность. Возможно, воровство – его тайная страсть... Пусть даже после смерти, но он позволил себе этим заниматься, не обращая внимание на неодобрение некоторых.

Прошедшим церемонию не составляло труда носить вещи с одним главным условием: «Не растворяйся». Исчезновение человека и одинокая одежда посреди улицы непременно вызовут подозрение...

Я часто сравниваю призраков с хламом, забытым на чердаке. Вроде нет никакого смысла хранить нас на пороге жизни, но избавиться от такого старья мир никогда не осмелится – кладезь пережитков прошлого, загадок и выдуманных историй. Так же и с вещами: комнаты на втором этаже заполнены тем, с чем призракам трудно было расстаться. Любопытства ради я однажды заглянул в нашу сокровищницу: любимые игрушки, фотографии, шляпки, украшения и даже сигары, которые в двадцать первом веке невозможно достать, в чем уверял меня Альф Броузи. Для чего ему понадобились сигары, я не понимал, курить он все равно не сможет никогда, как и почувствовать их запах. Когда-нибудь они поймут, что вещи, которыми не пользуются, давно не принадлежат хозяевам.

Осталось составить список необходимых трав, чем я и занялся. Каждый раз стараюсь придумывать новые рецепты, ищу разные варианты, экспериментирую. Часто не замечаю того, как увлекательное занятие растягивается на часы. По каждому призраку, прошедшему церемонию, у меня хранится вся информация о составе. Не знаю, для чего я ее решил собирать вначале, но теперь мне захотелось передать все материалы Люси.

Чабрец в основе всего – была любимая фраза Мэри Энн, моей сестры, которая увлекалась травами. Не знаю, почему, но меня мучило от запаха чая с чабрецом... Кто бы мог подумать, что с его помощью я однажды верну себе человеческий образ, а не буду светящийся и прозрачный болтаться по миру...

По стене скользнула тень и, обернувшись, я увидел на подоконнике кошку.

– Мау?

– Здравствуй, Тень. Как видишь, сегодня очередная церемония.

Имя ей придумала Белла: года четыре назад одна кошка заснула на ее могиле и девочка, возникнув из-под земли, чудом не пролетела сквозь животное. В отличие от других, Тень не боялась призраков. И уже в первую ночь она стала нашей любимицей. Хотя я до сих пор уверен: кошка не раскрыла еще своих главных секретов. У меня кружились в голове пара мыслей на этот счет, но не было возможности проверить.

– Как думаешь, нам стоит прогуляться по улицам?

– Мау...

Было самое время собираться на работу. Раньше были опасения, что кто-то может узнать меня по портретам: наш семейный дом городские власти превратили в музей, и каждую неделю там устраивались своего рода представления... А потом я понял: люди редко всматриваются в лица на картинах, еще реже запоминают их. Поэтому чувствовал себя спокойно, когда вместе с Тенью приблизился к воротам больницы.

Ветер рассказывает нам обо всем. Способность, которую я очень люблю, заключается в отличном слухе: спрятавшись в тени деревьев, я мог слышать все, что происходило внутри. В ее палату вошла медсестра с завтраком. Люси пробормотала, что ей надоела больничная еда и заказала оладьи с яблочным джемом. Я услышал резкие, недовольные шаги медсестры. Дверь захлопнулась – девушка глубоко вздохнула...

Возможно, в течение дня к ней придет доктор, возьмет пару анализов... Люси вряд ли ждала в гости кого-то еще: все в этом никчемном городке отвернулись от девушки. Только за то, что она не побоялась бросить вызов не столько искусству, сколько самой себе...

– Будешь сегодня на церемонии? – обратился я к Тени.

– Мау, – похоже, в этот раз «Мау» означало согласие.

5

С ее возвращением рассеялось тяжелое ожидание и атмосферу наполнило приятное чувство праздника.

Мистер Рейнден провел девушку в первый ряд. Люси вопросительно взглянула на меня и улыбнулась. Сегодня на ней были джинсы и футболка, размера на два больше. Умница, подумал я, нашлись в больнице добрые люди... Хотя в этой одежде она выглядела еще более худой и... наивной, пришло мне на ум. Мне оставалось только кивнуть ей в ответ: стоя в центре, я исполнял одну из главных ролей церемонии Перехода. Чарльз парил рядом.

Постепенно стихли все голоса, и призраки обратили внимание на нас. В левой руке у меня была глубокая чаша, из которой клубился пар. Наконец, я произнес:

– Собравшиеся призраки и люди да услышат мои слова. Слезы родных и друзей твоих окропляли тебе могилу, их последние прощания ты уже не вспомнишь, но, друг, ты их не потерял, ты теперь всегда пребываешь с ними и охраняешь их. Позже... А теперь...

Отрепетированная речь каждый раз действовала на всех опьяняюще.

– Сменялись ночь за ночью, год за годом, тело твое больше не принадлежит тебе, но духом ты остался силен, ты не примирился с обыденным существованием. Ты, Чарльз Бэнк! – пришлось повысить голос из-за ветра. – Сегодня мы посвящаем тебя в ряды наши, друг мой, отныне ты обретаешь новую семью. Пусть твоя новая жизнь будет счастливой и радостной. Пусть воздух дарует тебе все то, что было утрачено...

– Сейчас... самый интересный... момент, – шепнул Николас, нетерпеливо переступавший с ноги на ногу, – угадает ли... Чарльз?

При этих словах я усмехнулся: никому заранее не раскрывал рецепт... Я высыпал в чашу травы, и пар медленно начал приобретать черничный оттенок. Могу представить, что думала обо мне Люси: я походил на художника... Эта мысль меня вдохновила.

– Роберт бросил в чашу... размельченные корни и травы. Это они придают... цвет воде. В этот раз... сиреневый, – вздохнул мистер Рейнден, – Чарльз ставил на... оранжевый.

Я с удовлетворением заметил, как Люси застыла от неожиданности. Она в первый раз наблюдала переход: вдыхаемый Чарльзом пар, клубясь и насыщая всю его сущность, дарил цвет одежде, обуви и коже, придавая более темные или светлые оттенки там, где они необходимы.

– Волшебство... – Выдохнула Люси.

– Чарльз Бэнк... – Медленно произнес я.

– Чарльз Бэнк, – повторил хор голосов. Церемония завершилась. В наступившей тишине были слышны лишь звуки природы. Призраки зашевелились.

Я снова поймал на себе недовольный взгляд Элайзы. Недобро улыбнувшись, она подлетела ближе:

– Поздравляю с очередным достижением.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты покоришь глупышку фокусами с травками, – усмехнулась девушка. – Знаешь, как бывает... Она поймет однажды свою ничтожность и тоже захочет стать призраком... А я, может быть, окажусь рядом, поддержу ее любую идею... Крови много не будет, обещаю... Зато потом: вечность! Ой! А вдруг не получится? Роберт, ты бы приглядел за ней... Люси так запуталась в жизни...

Если бы призрака можно было убить, я сделал бы это, не задумываясь. В толпе, наконец, нашел художницу глазами, Люси спрашивала Николаса:

– Разве цвет никогда не испарится?

Мистер Рейнден пожал плечи.

– Я почти век нахожусь... в таком обличье и никогда не замечал... изменений. Это все идеи Роберта...

– В чем их смысл?

– Смысл? Придать призракам хотя бы... какое-то подобие прежнего... человеческого вида... Вас интересует прошлое Роберта?

Улыбнувшись, Люси кивнула.

Элайза вопросительно подняла вверх брови:

– Хочешь раскрыть все секреты девчонке, но не рассказываешь и сотой доли нам? Знаешь, у меня тоже проявляются определенные способности... – Она принялась накручивать локон на палец.– Например, я пробую проникать в человеческие сны и...

– Элайза, предупреждаю те...

– Меня не нужно предупреждать, Роб, от меня нужно ждать любой шалости, понимаешь? Попробуй быть на шаг впереди. Сыграем? Или предпочитаешь поохотиться за ее душой?

– Ответь, чем Люси тебе не угодила? – я старался сохранять спокойствие. Но вместо ответа собеседница лишь растворилась в воздухе.

Мне стоило больших трудов привести чувства в порядок. Когда призрак раздражен, он начинает испускать темно-серые языки «дыма». То же самое происходило со мной. Белла возникла рядом:

– Что с тобой?

– Ничего.

– Мистер Рейнден сейчас о тебе начнет рассказывать.

– Пусть.

– Ты долго будешь оставаться в тени?

– Сколько посчитаю нужным.

– Как хочешь. Будь я на месте Люси, с удовольствием провела бы время с тобой, а не с ним.

Белла показала язык и улетела прочь. Знаю, я выглядел глупо в тот момент, но меня всерьез обеспокоил диалог с Элайзой. Означала ли фраза девочки «Выйти из тени» что-то еще, я не имел понятия, но решил быть поближе к Люси. На всякий случай.

6

– Вы, очевидно, никогда... не слышали о том, что... призраки созданы из своей... правды, Люси? Никакого... притворства... никакого обмана – все это... принадлежало нашей человеческой... жизни, – он окунул руку в область сердца, поискал с мгновение и вытянул призрачную ниточку, – «Правда души», как мы... ее называем. О, добро... пожаловать, Роберт.

– Вы собираетесь рассказать мою историю вместо меня?

– У меня она... лучше получается, неправда ли?

– Безусловно...

Ниточка синего оттенка сияла в свете луны, рождая волшебные видения. Мистер Рейнден медленно накрутил ее на палец Люси, – если я скажу... неправду или... ошибусь в своем... повествовании, вы почувствуете... легкое жжение. Согласитесь... ироничное... обязательство? – художница кивнула.

– В те долгие дни, когда город был... охвачен смутой, семья Роберта переживала свои самые... черные дни. Он был старшим... сыном. Вы, наверное, видели старый... дом, расположенный в... противоположной от кладбища... стороне. Это и есть дом... мистера Лернера... его отца.

– Лернер? – воскликнула Люси. – Кладбище назвали в честь твоей семьи?

– Да, – скромно ответил я.

– Как так?

– Мой отец был меценатом, если так можно выразиться... И он знал нужные рычаги. Слушай дальше.

– Спасибо, Роберт. Сын был... надеждой и... гордостью семьи: уверенный в... своих поступках, достаточно... умный и объективно-мыслящий молодой... человек, он уже с детства... стал гордостью... отца. По словам Роберта... ему все давалось... слишком легко.

– Николас, прошу...

– Это я рассказчик... сейчас, не перебивай... меня, парень... Уважение... и зависть – вот, что окружало... это семейство. У них дом всегда был полон... радости и счастья, простому люду не было нужды... жаловаться на что-либо, все старались... жить, помогая друг другу. Да... Чрезвычайно... редкие люди... И все же, – грустно улыбнувшись, мистер Рейнден спросил, – Вы не... замерзли?

– Продолжайте, пожалуйста, – произнесла Люси. Любопытство выше самосохранения, подумал я: вполне в ее стиле.

– Однажды он собирался на... охоту, матушка долго уговаривала Роберта не... ехать, как будто... чувствовала приближавшуюся... беду. Но, как это часто бывает, он не стал ее... слушать и уехал вместе с... отцом и несколькими друзьями... Подробности его смерти... вам известны... Спустя некоторое время местные... жители стали замечать, что по ночам... здесь раздаются непонятные звуки – это Роберт... не понимая, как все еще ходит по этой, уже... неродной ему, земле, просил о... помощи, просил каждого, кто мог... услышать и пойти на... кладбище. Говорят, ночью даже самые... смелые ребята боялись сюда... прийти – так страшна была... неизвестность. Понимаете, другие... могилы хранили только останки людей... Так Роберт стал... первым призраком...

– И ты вернулся к семье? – спросила художница.

– С другого света не возвращаются. Я это прекрасно понимал. Хотя с прошлым все же поддерживал связь: со своей сестрой.

– Она знала, что ты призрак?

– Догадывалась, часто звала меня. Однажды собралась идти на кладбище ночью... Тогда мне и пришлось открыться ей...

– А что дальше?

– Она умерла спустя пять лет при родах... Нет, призраком не стала...

– А я думала, что...

– Я знаю. Пойдем, покажу наши могилы...

– Интересно, как призраки проводят дни? – шагая через тропинки между могилами, спросила Люси.

– По-разному... Белле повезло больше всех: кто-то положил в могилу радиоприемник на ее похоронах. В нем до сих пор не сели батарейки, представляешь?

– Не верится даже... А другие?

– Многим приходится проводить дни наедине с самим собой, в прямом смысле... Миссис Шэри сошла с ума, наблюдая день за днем, как ее тело постепенно гниет и разлагается. Она признается, что чувствовала все будучи призраком... Но это лишь самоубеждение, не более...

– Хорошо быть призраком и ничего не чувствовать...

– Люси, попробуй забыть о своих сложностях, отключить лишние эмоции вроде страха.

Тогда и сомнения насчет будущего исчезнут... Мне кажется, тебе это необходимо.

Она кивнула.

– Почему мне кажется, что я знаю тебя сотню лет? Я не о вчерашнем путешествии говорю, а вообще...

– Иногда воспоминания много значат.

– Не помню, чтобы...

– Мои воспоминания...

– Эм...

Мы уходили в старую часть кладбища через мост, к самым первым захоронениям. Вот где прошлое напоминало о себе больше всего: знакомые имена случайно прорезали темноту, даты вызывали в памяти события... Здесь даже воздух казался другим, пропитанный смертью сильнее, чем везде.

– Как давно ты меня знаешь?

– всю твою жизнь, – не оборачиваясь, ответил я.

– Понятно...

Я не искал темы для разговора, а Люси не могла подобрать подходящую. Представив себя на ее месте, я поразился ее сдержанности: тысячи догадок взрывались бы в голове, не задай я вопросы. Тем более призраку... Люси не страдала стеснительностью, насколько я успел заметить за все восемнадцать лет ее жизни. Она вздохнула позади. Кажется, ей надоело смотреть в спину собеседнику.

– Что ты бросил в чашу?

– Имеешь виду Чарльза?

– Ага...

– Расскажу об этом позже, хорошо?

– Идет...

И полминуты спустя:

– Наверное, нужно было раньше прийти на кладбище?

– Ты все сделала вовремя, – причина в моих односложных ответах, усмехнулся я.

– Потому что мне надоело торчать взаперти...

– Одна из причин...

– Других вроде... Что-о-о? Склеп? – удивилась Люси.

– Не ожидала?

– Честно, нет...

На фоне деревьев уже можно было различить обитель того, что осталось от семьи Лернер: прах в паре десятков гробов с именными табличками. Не помню, чтобы последние лет пятьдесят кто-то туда заходил.

– Не боишься?

– Если там будет еще больше темноты, не страшно...

– Там будет много тайн, – предупредил я.

– Ты преувеличиваешь...

Мы, наконец, пробрались по заросшей травой тропинке. Покрытые плесенью и плесенью стены я давно перестал считать своим вторым домом: мое сердце съели черви, а дух научился странствовать за пределы кладбищенских ворот.

– Никогда не открывал эту дверь.

– Тебе и не зачем... – с легкой завистью пробормотала Люси. – А телепортироваться умеешь?

Я рассмеялся.

– Умею, но мы называем это по-другому... Просто путешествие на расстоянии...

Люси вздохнула.

– Неужели ты бы хотела быть такой, как я? – разговор с Элайзой не давал мне покоя. И я боялся того, что Люси кивнет, незначительно и небрежно, как будто ее это коснулось бы в последнюю очередь, но перспектива открылась бы заманчивая... Вопрос заставил девушку задуматься.

– Можно было бы рисовать целую вечность, правда?

Я чуть было не кивнул.

– Риск слишком велик. Не все...

– Помню, помню! Расскажи лучше, как ты стал призраком?

– Все эти годы я проверяю гипотезы. Может быть, в результате отторжения части моего существа от тела, душа это или нет, не имеет значения. Наверняка она заблудилась. Или, возможно, из-за реакции на какой-то продукт, что я принял перед смертью... Или фермент, который содержался в крови. Я не верю в случайность своего появления, Люси. Призраки существуют в этом мире не затем, чтобы пугать людей, а наоборот, чтобы помогать им... Мне так кажется...

– Мне больше нравится та, где человек что-то принимает перед смертью. Знаешь, на всякий случай я бы съедала это каждый день...

Я лишь усмехнулся: в тот день перед охотой, помнится, съел только вареное яйцо, больше ничего не хотелось.

– Помоги мне открыть эту дверь, пожалуйста.

– Конечно... Сотню раз открывала такие двери, знаешь ли, – рассмеялась художница и вцепилась в выступ. Я проник в склеп и стал толкать изнутри.

Когда, наконец, дверь поддалась, Люси облегченно вздохнула. Подушечки ее пальцев стерлись о грубый камень. Она переступила порог как будто не обычного склепа, а пирамиды – настолько захватило дух открытие. Судя по тому, как потом она наморщила носик, было сыро и пыльно.

– А где твоя могила?

– Справа от тебя, – Люси опустилась на колени рядом с могилой плитой, на которой были выгравированы имя, дата рождения и эпитафия: «Ночью ты всегда рядом. Роберту от Мэри Энн».

– Символическая надпись... – прошептала Люси.

– Давно я ее не перечитывал... Первые ночи эти слова будто вырезались из темноты. Я жалел себя и своих близких, я боялся и одновременно желал исчезнуть! Напрасно все...

Мне по-прежнему страшно читать эпитафии. Даже на могилах ставших призраками. Слова адресованы тем, кто уже никогда не вернется в этот мир.

– А кто-нибудь из твоей семьи стал призраком?

– Только я...

– Значит, это не наследственное. Ты умер в тысяча восемьсот сорок пятом в... двадцать три года?

Я кивнул. Она продолжила обходить склеп, но взгляд ее скользил не по стенам, а по собственным образам в голове.

– Скажи, почему вы не можете жить днем? Это что, проклятие какое-то? И почему вы не можете, как нормальные люди, чувствовать этот мир?

– Я думаю, ты сама обо всем догадываешься, но боишься признаться себе...

– Ответь ты!

– Призраки не принадлежат миру, в котором ты привыкла жить... У нас все по-другому, понимаешь? И луна единственная, кто может скрыть несовершенства и изъяны моего существования. Мы сами себе кажемся людьми, порой даже не задумываясь, кем являемся на самом деле... Это глупая иллюзия, Люси.

– А как же вечность, от которой вы все в восторге?

– Хотя бы что-то приятное... А еще я один могу оставаться на солнце. На меня оно не действует.

– То есть... ты можешь не исчезать сегодня утром?

Я снова кивнул с улыбкой на лице. Неужели мне показалось, что я уловил легкую тень надежды? Люси, которую я помнил, разительно отличалась от той, которую я видел сейчас... Прошлое и настоящее порой несовместимы: в этой девушке особенно. Видимо, что-то должно произойти. Во всяком случае, мне придется завоевать ее симпатии...

– А кто стал следующим?

– Мистер Рейнден, конечно. В тысяча девятьсот двенадцатом.

– Тебе больше полвека пришлось жить в одиночестве?

– Это время я посветил поискам... Думать о плохом слишком утомительно, знаешь...

– И что же ты искал?

– Путь вернуться обратно.

Люси даже дыхание задержала, услышав эту фразу... или мне всего лишь показалось.

– И ничего?

– Ну... Как-то однажды попробовал войти в тело собаки... И получилось! Неудобно, правда...

Она состроила гримасу, спрашивая: «И я должна в эту чушь поверить?»

– А почему бы не поверить в это?

– Да просто потому, что это похоже на... вымысел!

7

– Да у тебя странная болезнь – страх поверить в существование сверхъестественного... Ты разучилась верить в чудеса, Люси. Вот я перед тобой, призрак из воздуха и ритуала перехода. В меня-то ты веришь? Ты называешь себя художником, правда? Извини, это неприятно слышать, но я должен тебе сказать: будь той Люси, которую ты похоронила внутри себя... Стыдно за свой эксперимент с кровью? Неужели в больнице тебя как-то исправили? И теперь ты не желаешь возвращаться. Боишься снова быть осужденной, если покажешь настоящую себя этому неправильному миру. Хочешь зависеть от мнения других? Тогда какого призрака тебя принесло на кладбище во второй раз? Вернись в себя, Люси... Поверь, наконец, в чудо!

Пытаясь спрятать слезы, она отвернулась в тот момент, когда я построил между нами стену ее воспоминаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.